

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР
BULLETIN DE L'ACADEMIE DES SCIENCES DE L'URSS

Отделение
литературы и языка

1945, том IV, вып. 3—4

Classe des sciences
littéraires et linguistiques.

В. А. ГОРДЛЕВСКИЙ

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ 50 В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

(*К вопросу о счёте в тюркских языках*)

«... Какие бы то ни были народы, все они пользуются теми числами, над которыми работало все человечество».

H. Marr, *O числительных*
(«Языковедные проблемы по числительным». Л. 1927, стр. 5).

Две системы образования десятков

По инициативе аcad. Н. Я. Марра, «сколотившего»—рассыпавшуюся вскоре—«Группу числительных» Палеонтологической секции Яфетического института, Институт литературы и языков Запада и Востока при Ленинградском университете задумал серию «Языковедные проблемы по числительным».

В первом (единственном) выпуске этой серии есть статья, посвященная «Турецким числительным количественным и обзору попыток их толкования»¹. Впрочем, как это уже отчасти указал С. Е. Малов, от внимания составителя ускользнули статьи двух венгерских ученых: J. Németh (1912 г.)² и B. Munkácsi (1924 г.)³.

С одной стороны, для десятков от 30 до 50 (30, 40, 50) в тюркских языках уцелели формы, представляющие неразрешенную загадку: это какие-то самостоятельные слова, оторванные от числительных (от соответствующих единиц: 3, 4, 5).

Анализу подверглось, конечно, и числительное 50 (*elli*), в первом слоге которого исследователи видят обычно слово *el* (рука).

Самостоятельно увидел здесь «руку» и турецкий ученый Мехмед Велед-челеби (теперь—Избудак), упущененный обозревателями. Он написал⁴ «философско-языковый», основанный на линейной—кинетической речи этюд о «Турецком счете»: 50—это своего рода «десяточ, в виде руки, заключающей в себе пять пальцев»; палец так или иначе служил для обозначения десятка.

Гипотеза о руке, усматриваемой со временем В. Шотта и в числительном 50, иногда и в числительном 5 (по-чувашски пять—*пилек*, ср. турецкое *bilek*—кисть руки)—«весьма соблазнительна и сама собой напрашивается, заслуживая разработки», как заметил турколог, сводивший теории о происхождении турецких числительных⁵.

Связь между рукой и числительным «пять» идет из глубины веков.

¹ «Языковедные проблемы по числительным», I. Сборник статей. Л. 1927, стр. 135—156.

² Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Bd. LXVI.

³ Körösi Csoma-Archivum, Bd. I.

⁴ См. специальный номер журнала «Resimli Gazete», выпущенный в Стамбуле в пользу нуждающегося мусульманского населения острова Крита в 1315 г. хиджры (1898 г. н. э.).

⁵ «Языковедные проблемы по числительным», стр. 148—149.

Первобытный человек для обозначения чисел прибегал к жестам руки, и раскрытая рука изображала число пять¹.

Взаимная внутренняя зависимость этих значений ясно раскрывается и на Алтае²: слово «елиг» значит 1) ширина пальца (мера длины)³, 2) пятьдесят.

Заложенное искони в числительном «elli» представление сохранилось отчасти или, точнее, ощущается в народной турецкой присказке—в хвастовстве матери, которая никак не может подыскать сыну невесту, здесь интересно—пусть и подсказанное требованием аллитерации—соединение слов: «el» (рука) и «elli» (50)

Ellimi salasam ellisi,
Kolumu salasam başı tellisi

(«Стойт мне махнуть ладонью, как их (т.е. невест) будет 50, а махну я рукой,—выскочит девушка, у которой на голове серебряные нити волос.»)

Исходя из «руки», как единого предмета исчисления, Н. Я. Марр построил образование числительных от 1 до 10⁴.

С другой стороны, в тюркских языках для десятков существовали и сложные формы, составленные из числа единиц и слова on (десять).

Эта система наблюдается (захватывая иногда десятки от 40) в чувашском языке, в современных тюркских языках, на которых говорит турецкоязычное население Сибири и Монголии, сравнительно поздно отуреченные местные аборигены, как то: ойроты⁵, хакасы⁶ карагасы, сойонцы, (тувинцы), алтайцы, телеуты, шорцы, бельтиры, качинцы, койбалы, кызыльцы, сагайцы; наконец, в северо-восточном углу Азии—якуты⁷.

С. Е. Малов добавил желтых уйгуров, у которых все десятки от 20 образуются через слово on (десять): işk'on (20), iç'ön (30), türť'ön (40), pis'on (50), alt'on (60) zet'on (70), saqys'on (80), toqys'on (90)⁸.

В Поволжье у стариков—татар и башкир—также предпочтителен счет на десятки посредством слова on. Об этом отчетливо помнит еще мо-

¹ См. Э. Тейлор, Первобытная культура. М. 1939, стр. 184—185 (глава «Искусство счисления» теперь, собственно, опущена; вообще издание встречено критикой отрицательно); S. de Sauss, De la manière de compter au moyen des jointures des doigts, usitée dans l'Orient (J. As. 1823, t. 3, pp. 65—71). Rödiger, Ueber die im Orient gebräuchliche Fingersprache für den Ausdruck der Zahlen (Jahresbericht d. Deutschen Morgenländischen Gesellschaft für 1845—1846. Leipzig, 1846, pp. 411—130; Reinhard, Sur le système primitif de la numération chez la race berbère (J. As., 5-ème sér., t. XVI (1860) pp. 107—114; дополнение на стр. 264—269). J.-G. Lemoiné, Les anciens procédés de calculs sur les doigts en Orient et en Occident (Revue des Etudes Islamiques), 1932, pp. 1—54, на страницах 56—58 библиография); также И. Снерг ирев. Числительные в языке зулу (Академия Наук СССР—академику Н. Я. Марру, Л. 1935, стр. 337—343; Ю. Марр. По поводу различных систем счета на пальцах у первов (Статьи, сообщения и резюме докладов. И. М.—Л. 1936, стр. 84—87).

О связи между пятью и лапой в языке монголов в Афганистане см. Н. Поппе. Монгольские числительные («Языковедные проблемы по числительным», стр. 110—111).

До революции «ручной» счет (пятерня и пальцы) был распространен в Средней Азии среди барышников. См. К. Юдахин, Киргизское иф—пять («Труды Московского института востоковедения». Сборник № 2. М. 1949, стр. 193).

² В. Вербичкий, Словарь алтайского и алтадагского наречий тюркского языка. Казань, 1884, стр. 53.

³ Как и в киргизском языке, см. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь. М., 1940, стр. 225.

⁴ Н. Марр, О числительных. К постановке генетического вопроса («Языковедные проблемы по числительным», стр. 45, 84—86); см. также его «Избранные работы». II, III, V (по указателю).

⁵ «Языковедные проблемы по числительным», стр. 140—141.

⁶ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, 30—31; П. И. Тыдыков, Русско-алтайский словарь. Улала. 1931.

⁷ А. Т. Казанаков, Учебник хакасского языка для русских. Абакан. 1937, стр. 130. Указанием обязан я Н. А. Баскакову.

⁸ С. Е. Малов. К изучению турецких числительных (Академия Наук СССР—академику Н. Я. Марру, стр. 273).

лодое поколение. У башкир для числительного 100 употреблялось сочетание «он он» (десять десятков). А.М. Шамсутдинов предполагает, что самостоятельные слова для десятков, навязанные школой, проникли к башкирам от татар только в середине XIX в. Впрочем, сомнительно, чтобы башкиры заимствовали у татар слова, которые могли быть им знакомы исстари.

И когда торговцы в Казани, говоря о цене, употребляют для двадцати слова *йеке ун* (два десятка), это, конечно, не условный язык, как думает С. Е. Малов¹.

Счет десятков через слово «он» производился и в Баку среди женщин, как я узнал от Д. Т. Кулиева, погибшего под Севастополем; об этом же говорила мне и уроженка Крыма, Р. М. Муллина.

Вероятно, количество примеров могло бы быть еще более увеличено, однако уже ясна распространенность в современных языках, большую частью младописьменных, образования десятков посредством слова «он» (десять), тогда как, казалось, естественно было бы явление обратное — сохранение самостоятельных слов.

В литературных тюркских языках следы «десятничной системы» явственно сохранились только в числительных 80 и 90: *sekzen* < *sekiz on* («восемь десятков»), *doksan* < *dokuz on* («девять десятков»). На это обратил внимание уже в 1846 г. Мирза А. Казембек², а позже, независимо от него, в Турции Кютахьялы Ходжа Абдурахман, автор грамматики «*Mikyās-ul-lisān ve kistās-ul-beyān*».³ Числительные 80 и 90 только и сумели неискусно затушевать составные словесные элементы.

Впрочем, и в числительных 60, 70, вероятно, также и 20 (*altımiş*, *yetmiş* *üçmiş*⁴) второй слог — вторая часть слова скрывает тоже какое-то, может быть, иностадиальное представление о десяти, поскольку первая часть связана с соответствующими единицами (*altı*, *yedi*, *iki*).

Таким образом, в тюркских языках издавна существовали две системы образования десятков:

1. Система самостоятельных слов для десятков, система, так сказать, тотемическая; в этих словах какая-то отсеченность, обусловленная старыми культурными или религиозными представлениями; первоначально слова для числительных были не просто наименованием чисел; мистическая (магическая) сила чисел раскрыта была ясно этнографом Л. Лези-Брюлем.

¹ С. Е. Малов. К изучению турецких числительных (Академия Наук ССР — академику Н. Я. Марру, стр. 276).

² Здесь характерно изменение звука о на е и на а, произшедшее, повидимому, давно. Если бы речь шла только о турецком языке, это было бы понятно: слово, омертвев, превратилось в приставку, но приставки с широким гласным звуком о, б теперь там нет; исключение составляет, кажется, только айдынский говор.

Закономерные формы «он» и «ён» встречаются, впрочем, в тюркских языках, на Алгае и у желтых уйгуров.

³ Этимология Б. Керстеджинана (*Quelques matériaux pour un dictionnaire étymologique de la langue turque*. London 1912) от слова «сан» (число) должна быть отвергнута.

⁴ Состоит, очевидно, из двух частей *jir* или *jr* (стянулось из *jigir*) и *ti*; это толкование было уже предложено, см. «Языковедческие проблемы по числительным», стр. 153.

По-шорски, 20 — *seğirba*, т. е. *jigir* соответствует *segir*; ср. слово *ekiz* — двойца, или близнецы. Слово *ekiz* В. В. Радлов (Опыт словаря тюркских наречий, I, стб. 681) разлагает на *eki* — два и на какой-то формант. Н. Н. Поппе (цит. страт., 98, 108) тоже сопоставляет турецкое *ekiz* (двойня) и чувашское *јægər* (пара); для *ti* параллельные формы в финно-угорских языках (*mis*).

Возможно, что вторая часть слова *üçmiş*, *mi* (варианты: «ма» и «фа») и независима от *tipi* числительных *altımiş*, *yetmiş*, хотя тоже должна означать «десять».

Ср. имя мосульского атабека Имад-эд-дина Зенги «Джегермин» (прозвище значило бы: ?0); впрочем, слово испорчено, как полагает J. B. Chabot (издатель Михаила Сиринца, III, 192. not. 10), из «Ак-Гермиш».

F. Kraelitz в заметке (лингвистически слабо обоснованной), Zur Etymologie des türkischen Zahlworts *iki* zwei (Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, Bd. XXXVI, p. 239—241), сближает турецкое *iki* (где *i* — альвеолит) и монгольское *choj* — позади (следующий за первым), семантически повторяющие образование латинского слова *secundus* — второй (ср. *sequi* следовать). Ср. узбекское *kiin* спина, позади, чагатайское *kinet* — потомство.

3 Отд. литер. и языка вип. 3—4

2. Система, составленная из десятков посредством слова «он» (десять), — система «круглых десятков», термин, употребляемый С. Е. Маловым.

Отголоски одновременного употребления двух систем образования десятков встречаются иногда и теперь в живых тюркских языках, естественно, главным образом у людей старшего поколения, соблюдающих старину.

Между этими двумя системами шла борьба, которая восходит к эпохе, задолго предшествовавшей современному, послемонгольскому, расселению тюркских племен, — она раскрывается уже в орхонских надписях — и эта борьба окончилась компромиссом.

В числительных в современных тюркских языках удержалось воспоминание о двух, по крайней мере, стадиях языкового развития¹, они обнаруживают полистадиальность тюркских языков.

В мертвых тюркских языках (в орхонских надписях, отчасти и в уйгурских документах) и в живых языках — у кара-уйгуров (как напомнил В. В. Бартольд показания Г. Н. Потанина, бравшиеся В. В. Радловым под сомнение²) и у сарыг-уйгуров — «желтых» уйгуров (изученных С. Е. Маловым) для обозначения чисел, состоящих из десятков и единиц, была своеобразная система счисления, открытая В. Бантом.

Счисление было построено так, что самостоятельные числа для десятков служили только для обозначения порядка десятка; повторяясь чаще, поскольку эти слова нужны были для образования промежуточных числительных ($21 = 1$ от 3-го десятка, $46 = 6$ от 5-го десятка и т. д.), они вытеснили «круглые десятки», т. е. слова, реже употреблявшиеся в языке, исчезли.

Предположение это высказал С. Е. Малов, наблюдая живую речь желтых уйгуров, у которых, впрочем, старый счет сохранился только частично (в счете от 11 до 30)³.

Странно только, что самостоятельные слова для десятков выполняли исключительно формальные функции. Несомненно, прежде чем превратиться в служебные слова, они должны были иметь в языке конкретное значение.

Как бы отвечая себе на эти недоуменные вопросы, подсказанные своеобразным старым исчислением, я думаю, что первоначально — одно время — счет у тюрков был пятидесятиричный, число 50 было пределом для счета⁴, и не нужно было и знать высший десяток, а к высшим десяткам, нарушающим обычный круг счета, народы испытывают отвращение или, точнее, нерасположение — вследствие непривычки.

Что значит *beş on*?

Как бы то ни было, в современном турецком языке десятичная система образования десятков через слово «он» тоже отмерла. Однако старый язык, язык законодательства, частично удержал «десятичную» форму не только для числительных 80 и 90, но и для числительного 50.

В «Законах» султана Мехмеда II (XV в.), изданных Фр. Крелицем, для числительного 50 встречается исключительно слово «elli», но в «Законах» султана Сулеймана Великолепного (XVI в.), хотя кодифицированных и позднее, один раз встречается выражение «beş on»; там в разделе пятом главы III, разъясняющем положение валахов, есть такое требование⁵:

¹ Fr. Kraelitz, op. cit., p. 239.

² В. Бартольд. Система счисления орхонских надписей в современном диалекте (Записки Восточного отделения, т. XVII, стр. 0171—0173).

³ С. Е. Малов, указанная статья, стр. 276—277. Ср., например, латинское *duodeviginti* (18 = два от двадцати и др.), а также образование второго десятка числительных в персидском языке, например: *jazdāh* (II) = *jāk āz dāh* = от десяти, т. е. от второго десятка, и т. д.

⁴ См. также В. Мункэси, Zur Bildung der Zehner-Zahlwörter im Türkischen (Körösi Csoma-Archivum, I, 1924, p. 314).

⁵ *Tarihi osmanlı encümeni mektubası*, 1913, № 18 (Приложение, стр. 64).

Ve mezkür Eflaklar beş on eve bir kündər verirler ve ihtiyaçlı yerde karavul beklerler (Означенные валахи дают на пятьдесят домов одно древко и несут караулы в опасных местах).

Конечно, мог бы возникнуть непроизвольный соблазн переводить слова «beş on» буквально, т. е. «валахи дают древко не на пятьдесят домов, а на пять—десять домов». Но подобное понимание противоречило бы четкому, точному языку законодательства, где исключается неопределенность, которая позволяла бы толковать волю законодателя по-своему, как вздумается.

Это, во-первых. Да и организация воинских частей в Азии исходила часто из числа 50. У монголов было тяготение к цифрам: 50, 500,—передавшееся, очевидно, через татар и Московской Руси: в стрелецком войске—еще в конце XVII в.—были: и пятидесятник, и пятисотный.

Низам-уль-мульк, везир Великих Сельджукидов (XI в.), говоря о гулямах, рекомендует над пятидесятью гулямами ставить накиба (глава XIX).

В Бухаре войско также строилось десятками; там были и пятидесятники—пянджабаши, как отметил еще Н. В. Ханыков¹ и позже—В. В. Радлов².

В войске эпохи Сельджукидов Рума, как говорит Языджи-оглу Али, был военачальник, командовавший 50 человеками (*elli başı*)—пятидесятник³. Несомненно, этот порядок был принесен туркменами в Малую Азию из Средней Азии и сохранялся еще в XVIII в.

В 1178 г. хиджры (1764 г. нашей эры) две тысячи «потомков завоевателей», как величаются туркмены-огузы, переброшенные на Балканский полуостров,—шли из Салоник в Грузию, распустив сорок знамен (*iki bin nefir piyade asker kırk bayrak küsad*⁴), т. е. у пятидесяти человек было одно знамя.

Это значение числа 50 сохранилось в Турции и в налоговой системе. Согласно Законам султана Мехмеда II (закрепившим, должно быть, старое положение), в пользу сювари, т. е. сипахи, взималась одна овца с пятидесяти⁵.

Очевидно, и с точки зрения фискально-налоговой число 50 заключало в себе какую-то цельную единицу.

Может быть, и в песне о Пазванд-оглу⁶, знаменитом румелийском повстанце, противнике реформ султана Селима III, числительное *beş on* сохраняет переходное значение—высшая, предельная цифра, обозначающая большое количество:

Beş on paşa dizilmiş sağdan sola
Dönmem, dövüşürüm der Pazvand-oğlu

¹ Н. В. Ханыков, Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 184.

² В. В. Радлов. Средняя Зерафшанская долина (Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. VI, СПБ. 1880, стр. 82).

После завоевания Туркестана русскими «пятидесятник» превратился в административное лицо: он был своего рода уполномоченным жителей города, посредником между ними и духовной властью (см. Н. Лыков и Полкизни в Туркестане, Пр. 1917, стр. 381, также стр. 196).

³ Вл. Годлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 51.

⁴ A. Reffik, Anadoluda türk aşiretleri İstanbul, 1930, № 243, pp. 218—219.

Встретив в трактате везира Лютфи-паша слово *ellici*, Р. Чуди высказал предположение, что это—добровольные есадники, составлявшие в количестве 50 человек охрану великого везира (R. Tschudi, Das Asafname des Lutfi-Pascha. Berlin, 1910, pp. 32—33, note 3). Более вероятно, однако, толкование А. Рефика (op. cit., p. 13, note): очередные пять эшкенджи, выделявшиеся из «очага» для похода, получали от ямаков 50 акча, а отсюда их название *elliciler*—«пятидесятиакчанники».

⁵ Fr. Kraelitz-Greifenhörst. Kapitulname Sultan Mehmeds des Eroberers (Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte, Bd. I, pp. 24, 39).

⁶ I. Kónos, Oszmán-török népköltési gyűjtemény, II. Budapest, 1889, 351, № 17.

(Пятьдесят пашей вытянулись справа налево... Я не поверну назад, я буду биться, говорит Пазванд-оглу.)

Слова Пазванд-оглу, дышащие гордой отвагой, должны наводить на мысль о большом числе пашей,—о несметных полчищах, наступающих на него.

Числительное «beş on» для образования 50 легко могло исчезнуть из языка и потому еще, что оно подавало повод к смешению значений: пятьдесят—пять десятков и пять десять — сперва «много», потом после роста счета, после осознания чисел 5 и 10 уже уменьшенный числовый объем. Сочетание *beş on* стало употребляться в смысле неопределенного числительного, например: *Beу eve geldikte hemen odasına karanır beş on gün asla dışarı çıkmaz*¹ (Бей, прия домой, тотчас запирается у себя в комнате и пять-десять дней совсем оттуда не выходит). Из контекста видно, что единицность продолжалась всего несколько дней. В таком же смысле по-азербайджански: «беш он шахы»—незначительная сумма.

А для числительного 50 оставлено было самостоятельное слово *elli*.

Если состав слов *sekzen*, *doksan* уже затемнен, впрочем, «Араб-филолог» т. е. Ибн-Муханна, лексикограф монгольской эпохи, пишет эти слова с «элифом», а Махмуд Кашгарский, как более ранний писатель,—даже с «вавом», еще яснее подтверждающим наличие слова «он»,—числительное *beş on* в XVI в. писалось раздельно; по крайней мере издатель Законов султана Сулеймана, Мехмед Ариф, дал не слитное начертание, а раздельное:

Таким образом, реальные соображения подкрепляют мысль о том, что слова *beş on* употреблялись в Турции и для числа 50, т. е. прежде область применения десятичной системы, построенной на слове «он» (десять), была в турецком языке шире, чем теперь. Во всяком случае, *beş on* уцелело в законодательном языке, сохранявшем архаичные формы.

Могут ли еще найтись обломки «круглых десятков» в турецком языке? Безусловно, отрицать это нельзя, скорее могли бы они открыться в арго, в закостенелых выражениях деревенской речи, в пословицах, загадках, наконец, в считалках. А может быть, поиски должны быть направлены по линии военных или профессионально-религиозных организаций (янычары, цехи, дервишеские ордена).

Значение числа 10

Принимая мое толкование комплекса «*beş on*» вскользь брошенное еще на диспуте А. М. Валуйского (в 1939 г.) в Институте востоковедения имени Н. Н. Нариманова, Д. А. Магазаник напоминает, что ударение лежит на слове «он»; это не столько числительное 10, сколько, так сказать, существительное «десяток»—определенная административная единица, и *beş on ev* значит пять десятков домов (именно, пять, а не два, не три), потому что трудно думать, чтобы в XVI в. для 50 употреблялось не слово *elli*, а *beş on*.

Конечно, в живой речи употреблялось—и, может быть, исключительно—числительное 50.

Однако в замечании есть доля правды, и большая. Десяток играл (и играл) у турок большую роль. В орхонских надписях упоминается отряд в 70 человек, разросшийся в 700 человек. Древнеуйгурские документы на продажу людей заключались на тысячу лет и на 10 тысяч дней—синоним выражения «на вечные времена».

Здесь опять сказывается организующее влияние соседей: китайцев, монголов, у которых людская масса исчислялась десятками; здесь обнаруживаются, быть может, следы китайской культуры на турецко-монгольских племенах.

¹ В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюрksких племен. Ч. VIII: Наречия османские. Тексты собраны И. Куношой, СПБ, 1899, стр. 301—302.

На десятичную систему военного строя татар обратил внимание и венгерский миссионер фра-Юлиан: «Во главе десяти стоит один татарин, а над сотней человек—один сотник»¹.

А оттуда перенесли татары расчет и на налоги.

Монголы, вторгшись в Грузию, пишет Михаил Сириец, исчисляли налоги и повинности из расчета: единица с десятка; так же говорят и европейские путешественники.

Плано Карпини, например, пишет: татары требуют, чтобы они (т. е. подчиненные народы) давали одну десятую им часть от всего, как от людей, так и от имущества.

Жан-де-Люк, монах, путешествовавший по югу России в XVII веке, пишет, что перекопские татары делятся на десятки, у каждого десятника есть котел для варки мяса, маленький барабан; в незначительный набег отправляются не все, а например, из десяти—только пять, прочие остаются для охраны хана или полководцев².

Для тюрок термин «onbaşı» засвидетельствован уже установлениями Тимура: это начальник десяти, получавший жалование в десять раз больше простого воина³; у уйголов Синь-Цзяна «on beşi»—налоговой чиновник⁴.

Десятками в Турции исчислялись не только воины (ср. воинское звание «onbaşı»—ефрейтор, капрал, «üyüzbaşı»—сотник, капитан), но и рабочие в артели: «onbaşı» значит и десятник.

И это подкрепляет естественное предположение, что счет у тюркских народов был и десятичный; но, конечно, сомнительно, чтобы это было на первой стадии жизни народа: к десяти дорога идет от пяти.

Значение числа 5

Но и у числа 5—одного из элементов числа 50 тоже историческая или, точнее, доисторическая давность.

Основа систем счисления на протяжении жизни человечества была различна, но пятичная система, построенная на движениях пальцев руки, как заметил Л. Леви-Брюль, была наиболее распространена⁵, так как она и естественна, прибавлю я. Может быть, этим объясняется и в исламе взимание именно одной пятой части ($\frac{1}{5}$) военной добычи в пользу казны; в османскую эпоху сбор с пленных, установленный султаном Мурадом I, как $\frac{1}{5}$ их стоимости, получил название *ispence* или первоначально *repsik*, т. е. *räpcjäk* ($\frac{1}{5}$)⁶.

И не для чего было идти к сумерийцам, не для чего искать здесь старое культурное переднеазиатское заимствование, как это делает Б. Мункачи⁷, чтобы объяснить пятичный счет у тюрков.

Обломки счета по пяткам наблюдаются у киргизов, но уже только в детских играх: максимальный счет—4 пятки⁸. Однако в игре, воспроизведяющей сражение за захват ханской ставки, т. е. в игре, сохраняющей отголоски старого социального быта, быть может, даже родового, для числительного 200 употребляется выражение «Чыңғылтын исси» (сорок пятков).

¹ С. Аниинский, Известия венгерских миссионеров в XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе («Исторический архив», III, М. 1940, стр. 87).

² П. Юрченко, Описание перекопских и ногайских татар Жана-де-Люка, монаха Доминиканского ордена (1625). (Записки Одесского общества истории и древностей, т. XI, 1879 г., стр. 480—481).

³ Л. Булагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПБ., 1869, т. I, стр. 160.

⁴ Н. Баскаков и В. Насиллов. Уйгурско-русский словарь. М. 1929, стр. 104.

⁵ Л. Леви-Брюль, Первобытное мышление. Перевод с французского под редакцией профессора В. К. Никольского и А. В. Киссина, М. 1939, стр. 134.

⁶ Независимо, конечно, происхождение терминов: «пятая рыба», «пятерна», «тысячный» в Новгороде, см. М. Кошин, Материалы для терминологического словаря. М.—Л. 1937, под словами.

⁷ В. Мункачи, op. cit., p. 314.

⁸ К. Юдахин, Киргизское ис—пять, стр. 191—192.

Как говорил мне А. М. Шамсутдинов, и в Башкирии, на его памяти, старики производили счет на пятки, и для 20 было сочетание: дёрт беш (четыре пятка).

Вообще число 5 заключало в себе какое-то законченное количество, скорее указывающее на огромность числа¹ (и на руке всего только пять пальцев). Киргизское ёс (б) может значить: «конец» или «горсть», т. е. предел счета.

Всякий раз, как заходила речь об исключительном значении языков, употреблялось число 5, и не только у турок; так, Ориген Александрийский знал пять языков; пять языков знал и германский император Карл IV. Филологи XVI—XVII вв., указывая на это, видели в знании пяти языков большую заслугу².

Но вот случаи, более близкие для нас и более интересные.

Как видно из «Сельджук-намэ», посол Закария, отправленный из Малой Азии в Константинополь к Гияс-эд-дину Кей-Хюсреву, тоже знал, кроме турецкого и персидского, еще пять языков. Сохранилось—сомнительное, впрочем,—предание о лингвистических способностях и султана Мехмеда II, который будто бы знал, кроме турецкого, еще 5 языков (греческий, латинский, арабский, персидский и халдейский).

Полиглотом был и князь Всеивод Юльевич, о котором сын его, Владимир Мономах в «Поучении» говорит, что он «дома седя, изумяще пять языков».

Потом почему-то смысл числа 5 в Турции изменился³.

Таким образом, у обеих составных частей числительного «beş on» (50)—реальный смысл; и как когда-то «beş» (5) и «on» (10), так потом и сложное числительное «beş on» (50), на высшей стадии мышления, тоже превратилось в предельное, максимальное число, постигаемое разумом. У крымских татар есть поговорка, гласящая, что от человека в 50 лет, собственно, ждать уже нечего⁴.

Промежуточные системы счета

Оба термина «elli» и «beş on» разными путями приводят к единому заключению о том, что на какой-то ступени у тюрков была пятидесятичная система, сложившаяся под посторонним, восточно-азиатским, воздействием.

У чисел 5, 10, 50, т. е. у чисел, кратных 5, и у десятков была жизненная сила⁵, и семантика—жизненное значение этих чисел может пролить свет на историю числительных.

Употребление чисел 5, 10, 50 для обозначения высших единиц раскрывает постепенное, последовательное увеличение систем счета в тюркских языках.

Однако способы счисления в тюркских языках захватывают и про-

¹ См. Н. Марр, О числительных, стр. 46; самое число 10, следовательно и 5, одновремя означало и «много».

² М. И. Сухомлинов, О языкоznании в древней России (Ученые записки второго отделения Академии Наук. Книга I, СПБ, 1854, стр. 200—201).

³ Ch. Texier (L'Asie Mineure, Paris, 1862, p. 284) говорит, что греки и мусульмане (г. е. турки), произнося число 5, как бы извиняются, потому что считают его «неприличным» (*inconvenant*). — В языке арго «beş kardeş» (пять братьев) значит: оплеуха.

Ср. еще случаи употребления *beş bir beş*—постепенно, медленно. См. J. Deny. Grammaire de la langue turque, Paris. 1921, p. 311.

⁴ Вл. Гордеевский. Замечания на «Пословицы крымских татар», изданные П. А. Фалевым (Записки Восточного отделения РАО, т. XXV, стр. 108).

⁵ В народном календаре часть зимних холодных дней носит название хамсин (по-арабски пятьдесят), но это произошло под влиянием расчетов грамотного духовенства (см. Вл. Гордеевский, Материалы для османского народного календаря. «Живая старина», год XX, 1911 г., стр. 442, примечание I).

межуточные десятки (20, 30, может быть, и 40), и разрыв, образуемый скачком, логически обоснованным, от 10 к 50 через 5, уменьшается.

Я сожалею только, что сумел пока собрать крохотный материал о двадцатиличном счете¹, но счет на двадцатки, конечно, был и у тюркских народов: 20 (*yirmi*) есть двойня десятков—удвоенный десяток.

Так, у балкарцев преобладала вигезимальная система, т. е. счет на двадцатки, например: «39—джыйырма бла он тогъуз» (двадцать и девятнадцать); «60—юч джыйырма» (три двадцатки)².

Двадцатиличный счет, с отбрасыванием добавочных единиц, отмечен и у кумыков, которые употребляли его при сношениях с чеченцами³; для чеченцев этот счет, очевидно, понятнее.

Большую роль играло и число 30—три десятка, бывшее когда-то, очевидно, максимальным числом и наводящее на мысль о тридцатиличном счете.

Венгерские миссионеры (XIII в.) так передают грозную грамоту хана венгерскому королю: «Я, хан, посол царя небесного, в тридцатый раз отправляю к тебе послов»,—писал хан⁴.

Фатх-Али-хан Каджарский (XIX в.) упоминает в чагатайском словаре о застольном обычье турок: «Если кто прольет из чаши вино, ему (наказанье?) дают тридцать чащ⁵—своего рода «кубок Большого Орла» Петровских ассамблей.

Вероятно, на это намекал в XI в. ц Махмуд Кашгарский, который пишет: «Я слышал в «Кюнгюте», как один турок из племени «ягма» (жившего в Восточном Туркестане) сказал: «Давайте выпьемте тридцать (чащ) Ottuz icālim»⁶.

Согласно «Законнику» султана Мехмеда II, у юрюков и у мюселлимов⁷ воинской повинностью облагался оджак—коллектив в 30 домов (5 человек из 30)⁸.

В старой, дотанзиматной, армии Турции традиционно сохранялось деление на тридцатки, хотя с оперативной точки зрения это было и неудобно. «В каждой роте, из тридцати человек состоящей,—пишет английский путешественник,—есть особливое знамя или значок».

¹ См. Ф. Розенберг, Материалы к двадцатиличному счету («Языковедные проблемы по числительным» I, стр. 165—170). О. Вильчевский. Вигезимальный счет в курдском (Памяти академика Н. Я. Марра. М.—Л. 1938, стр. 67—76).

² В. Филоненко, Грамматика балкарского языка. Нальчик. 1940, стр. 49; см. также «Языковедные проблемы по числительным», стр. 143—144.

³ Н. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 73.

⁴ С. Анинский, указ. статья, стр. 88.

⁵ См. А. Ромасевич, Новый чагатайско-персидский словарь (Сборник «Мир-Али-Шир», Л. 1928, стр. 98).

⁶ Divâni lugati-t-türk, I, 125—127; почему-то Махмуд Кашгарский переводит слово «ottuz»—три.

⁷ Так («мюsselim») слышал уже в XVII в. граф Л. Ф. Марсили, составивший описание «Военного состояния Османской империи» (СПБ., 1737, ч. I, глава XXXVII). Но И. Хаммер (*Des Osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung*. Wien. 1815. Zweiter Teil, p. 189) заменил причастную форму действительного залога причастием страдательного залога, и пишет «müssellem», однако слово значит не освобожденный от налога (тогда, как правильно замечает проф. Х. К. Баранов, бы бы взят другой глагол), а поставляющий, доставляющий армию то, что армия требует от него. У Mouqadda d'Ohsson (*Tableau*, VII, pp. 179, 309) встречаются обе формы: «musselím» и «müsselem». Впрочем, и среди турецких учёных идет разногласие: между тем как А. Рефик, издатель документов об аширеевых турецких племенах, транскрибирует постоянно «müssellim», Исмаил Хаккы Узунчарышлы продолжает писать «müsselem» (*Türk tarihinin ana hatları eserinin müsveddeleri*, II, № 22, p. 45).

⁸ Вл. Гордеевский, Государство Сельджуков Малой Азии. М.—Л. 1941, стр. 69.

⁹ См. «Отрывки, содержащие некоторые любопытные подробности о Турции и Египте» (*Вестник Европы*, 1804 г., № 10, стр. 133); заметка переведена из Wittman's Travels.

Число 30 входило и в комплект снаряжения воина, который приносил: продовольствие на год, лук и 30 деревянных стрел.

Анатолийские кочевники считали, быть может, на тридцатки. В словаре В.В.Радлова (1,1110) под словом «otuz» (тридцать) дан пример, заимствованный у Ахмеда Вефик-паши и указывающий на тридцатиричный счет годов: «йәс otuzunda piri fertü» (выживший из ума старик, которому три тридцатки годов). Там же у Радлова приведена пословица: «Otuzu ыгакır опи aldi» («Он бросил тридцать, чтобы взять десяток»); если бы здесь был случайный набор числительных—простое рифмоплетство, вместо опи (10), например, было бы dokuzu (9).

Поскольку в языке желтых уйгуров отсутствуют как будто самостоятельные слова для числительных 40 и 50, это указывает, что и у них сначала был тридцатиричный счет; но у них и следы пятидесятиричного счета, более позднего, исчезли.

Когда я хочу понять смысл и значение числительного «kirk» (40), я вступаю на скользкую почву, и мои предположения, конечно, гипотетичны, а пожалуй, и фантастичны. У тюрков, как заметил уже Хаммер, числительные 4 и 40 заключали в себе священную силу. Но между словами «dört» (4) и «kirk» (40) отсутствует какое-либо сходство, которое указывало бы на естественное соответствие между числом единиц и десятков¹. Стало быть, под словом «kirk» разумелось не определенное, не точное количество единиц, а только «множественное» число, множество, много (звук k в слове kirk, может быть, тоже признак множественности). В жизни—в религиозной жизни древних тюрков-шаманистов слово «kirk» могло играть большую роль (может быть, множественность жертв или каких-нибудь приемов во время жертвоприношения). Утратив религиозный оттенок, слово «kirk» стало употребляться вообще для обозначения множественности².

Специфическое значение числительного «kirk» встречается у тюрков на большом пространстве.

Киргизский счет «сорок пятков» поднимает вообще значение числительного «kirk», как слова собирательного.

Во время «девширмэ» в Турции одного мальчика (с христиан) брали с 40 домов³.

У турок число «40» выражает иногда предел жизни человека или, во всяком случае, восприимчивости человека. Высшая предельность раскрывается и в пословице: «kirdiği koz kırkı astı» (число орехов, которые он сломал, перевалило за 40), значит, дальше терпеть уже нельзя.

В Зеравшанском округе числительные, между прочим и «kirk», служили для обозначения узбекских колен⁴.

Числительное «kirk» часто встречается в топонимике, например: «kirk ağaç» (название городов в Турции) и др.

У казанских татар, как сообщила мне Р. А. Хакимова, есть поговорка «бер куяла кырк эш» (у одного человека—сорок помощников).

В тюркском фольклоре 40—обычное эпическое число (40 разбойников, 40 везиров, 40 дней свадьбы, 40 девушек и т. д.).

Архимандрит Мелиссинос Хрисовул, пытавшийся объяснить происхождение названия города Кырккилисе «Сорок церквей» (теперь: Кырк-

¹ В *Türkiyat mecmuası*, с. 2, 1928, pp. 390—392 Неджиб А сым Языксыз, повторяя гипотезы J. Halévy, пытался связать числительное 40, а попутно и 30 с соответствующими единицами: в числительном «kirk» в «к» превратился звук т, т. е. «kirk» вышло из «tört» /4/, а отуз множественное число от «йәс» /перешел также в т/ и т. п. Конечно, этимология этих абсурдны, как и гипотеза о числительном «bir», когда-то опубликованная им же в журнале «Türk Dernegi», 1909, № 1, pp. 30—33; об этом писал уже проф. Ю. Немет.

² В Керчи слово «kirk» значит: «шерстинка» но это уже от корня «kirk» (стріч).

³ Uzuncarsılı, ср. сіт., р. 51.

⁴ А. И. Х о р о ш и н, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб. 1876, стр. 515.

ларели), говорит, что турки во время завоевания Румелии, увидев большую церковь, по церкви назвали и город, а их примеру последовали и греки, переводя турецкое название на греческий язык¹.

Инстинктивно и грек придал слову «kirk» смысл громадности, или величины².

Рефик Халид Карай, подобравший о числительных большой материал, специальную статью посвятил числительному kirk³.

Что значит *altı on* в старотурецкой надписи?

Тот материал, который привлечен мною, позволяет говорить о широком употреблении числительного «beş on» не только в пространственном аспекте, но отчасти и во временном.

Теперь, когда употребление «beş on» (50) обосновано, так сказать, документально, я снова обращаюсь назад, к VII в. нашей эры.

А как следует переводить в старотурецкой надписи число «altı on?» задал мне вопрос А. Н. Бернштам, когда я делал сообщение о числительном «beş on» в Турецком кабинете востоковедения Академии Наук. Учитывая систему счета в мертвых тюркских языках, я подтверждаю правильность предположения Радлова, сперва сопровождавшегося у него, впрочем, словом «vielleicht» (может быть⁴), так как странно было бы думать, чтобы памятник воздвигнут был герою «16 лет» (Умай-беку). «Altı on» может значить только 60, и никак не могло бы означать 16: с современной точки зрения обычного тюркского счета необходима была бы перестановка слов (*on altı*), а с точки зрения орхонско-енисейского счета нужно было бы использовать другой, высший десяток. П. М. Мелиоранский, изучавший тогда «Памятник в честь Кюль Тегина», безоговорочно переводит выражение алты *jägirmi jašyna*—«в шестнадцать лет»⁵.

И это не единственный случай. В древних памятниках встречается как будто выражение «iç on» (30). Впрочем, В. Томсен сопровождает транскрипцию турецкой надписи и перевод «iç on» (30) вопросительным знаком, склоняясь к мысли, что здесь ошибка переписчика⁶.

Но наряду с «altı on» в енисейских надписях встречается и «altış»—параллельное, стало быть, исчисление десятков через слово «on» и через слово «tiş», исконная на какой-то стадии общераспространенность двух систем образования десятков, и более древней через «tiş» и более новой через «on».

Но это еще только правильный буквальный перевод. Когда-то цифра 60 и у тюрков представляла предельный счет: у древних болгар, как доказал І. В. Бигу (и подтвердил болгарский ученый В. Н. Златарский)—был цикл 60-летний. Я отбрасываю—может быть, и напрасно—шестидесятилетний счет вавилонян. Таким образом, старотурецкая надпись хочет указать, что Умай-бек находился в преклонном возрасте, ему было столько лет, сколько может постичь человек.

Не знаю, отголосок ли это древнего счета, или здесь влияние книжное, идущее от арабов, но у турок арабское слово «sittin» (60) значит: издавна; у турок румелийских, старых наследников Балканского полуострова,

¹ См. реферат статьи его в «Византийском Временинике», т. IV, стр. 288.

² Область употребления числа «40» у семитов обследована В. Рошером. Ср. также русские выражения: «сороковка», «сорок сороков».

³ Но мне попались только две его статьи: «Akşam», 1944, № 9403; 1945, № 9417.

⁴ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge St.-P. 1897, p. 68, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Zweite Folge, St.-P. 1899, p. XXI. См. однако замечание С. Е. Малова, указ. статья, стр. 274.

⁵ См. «Записки Восточного отделения», т. XII, стр. 71–72.

⁶ Journal of R. Asiatic Society, 1912, pp. 186, 188. Ср. также сомнения С. Е. Малова, указанная статья, стр. 274

в сказках, записанных И. Куношом на о. Адакалэ, встретил я выражение: «*sittin sene yaşacak misim?*» (Ты думаешь, что проживешь 60 лет?), т. е. «ты будешь жить до Второго пришествия»; есть даже глагол «*altışla*» (*mak*)—дожить до шестидесяти лет.

И не случайно, быть может, долго ходила у турок монета *altmışlık* (60 парá).

Итоги

Таким образом, у современных тюркских народов сохранились обломки древнего уклада счета в словах, условно обозначающих определенные числа (десятки: 30, 40, 50); эти слова отнесли на второй план десятки, составленные через слово «оп».

Тюркскими языками пройден длинный путь; об этом наглядно говорит эволюция систем счета; системы счета у тюркских народов постепенно усложнялись.

Где-то в «Путешествии на корабле Бигль» Ч. Дарвин пишет, что у австралийцев в числе «3» заключено уже представление о множественности. Для тюркских народов, насколько это раскрывается из обозрения современных языковых форм, первоначально число «5» было «потолком» счета.

Потом вступают в строй десятки: один десяток—десять; «двойня десятков»—двадцать, т. е. счет двадцатиричный. Последующие, высшие десятки показывают рост счета: 3 десятка «30»—тридцатиричный, 5 десятков «50»—может—пятидесятиричный счет.

Самостоятельные слова для «30», «40» и—может быть—для «50» существовали давно, и отдельно, как элементы религиозно-общественной жизни народа, и только впоследствии за ними—за числами: «30» и «40» установлено точное количество единиц: для слова «*otuz*»—30, для «*kırk*»—40.

Между тем, хозяйственная жизнь развивалась все более и более, и число «50» (*elli*) исчерпало все возможности «руки» (*el*).

Число «60» открывает какой-то новый этап счета—шестидесятиричный, но и завершает систему счета на небольшое число десятков. Образование числа «60» (*altmış*) через слово «*mış*» (как и *üirmi*?) восходит к тому периоду, когда слово «оп» не осознано, как составная часть для обозначения высших десятков, и счет идет еще, быть может, через двадцатки и тридцатки: число «60»—трехкратно «20» и двукратно—«30».

Число «70» (*yetmiş*) представляет, быть может, просто формальное образование,—аналогичное «60» (*altmış*), как например, и разделительное числительное от «*iki*» (2) образуется двояко: *iķiser*» (влияние числительного «*beş*», на какой-то стадии предельного,—стало—быть, и частого числа) или «*iķirer*», где звук «*r*»—по аналогии с числительным «*bir*».

В числительных «*seksen*» («80») и «*doksan*» («90») слово «оп» «стерлось»; они тоже были в большом ходу: «80»—четырехкратно «20», а «90»—трехкратно—«30», т. е. «80» и «90»—кратны тем числам, на которых построен был когда-то счет, это—какие-то пережитки счетов—двадцатиричного и тридцатиричного—*seksen kere* (80 раз) значит по-турецки: много раз.

Потом произошел окончательный переход на десятиричную систему, но для десяти десятков наряду с «круглым десятком»—(«оп оп»), сохранившимся у башкиров, создалось самостоятельное слово «*üyz*», кажется, тоже удовлетворительно не объясненное.

Теперь слово «*üyz*» используется для обозначения высших чисел, а высшие числа часто выражаются описательно, так; Языджи-оглу Али (XV в.), очевидно, плохо еще охватывающий идею «тысяча», пишет однажды: «*op üyz altmış altı*» («1066»)—девять сотен шестьдесят шесть.

Конечно, это—архаизм; слово «*bin*» («тысяча»)—а оно этимологически ясно?—несомненно, уже было. В XVI в. денежное обращение в Османской империи расширяется; для пятисот денежных единиц,—для «пя-

тисот курушней» употребляется (персидское) слово «*kese*» (мешок). Люди ворочают тысячами. В документах XVI в., изданных Ахмедом Рефиком, закономерны описательные формы: *on kerre y z bin* (10 раз 100 тысяч) и т. д., т. е. сто тысяч—какое-то высшее число. Оперировать описательными обозначениями было как будто легче, описательные формы заняли место и старого заимствования «*тюмен*¹» («тыма»), т. е. десять тысяч.

Иностранные слова «миллион» вошли в язык, конечно, недавно.

Под этим углом обозрения числительных ошибочно, конечно, утверждение о страхе перед высшими числами; операции над высшими числами сложны, они трудно усваиваются, но это не мистический страх, а страх от трудности мысленного восприятия.

Было бы неосмотрительно делать вывод о хронологическом порядке возникновения сложных (многодесятичных) систем счета: литературная фиксация может быть случайна; литературный памятник может фиксировать то, что давно уже существует в языке, или—наоборот—что осуждено на отмирание. Хозяйственно-общественные условия жизни у кочевников, тем более у оседлых тюрков могли все-таки различаться и разновременно вести к новому счету.

Для углубления выводов наблюдения должны быть продолжены над живым употреблением чисел и над употреблением их в литературных памятниках.

А числа в тюркских языках—благодарная тема для языковеда, этнографа и фольклориста.

И как понятен энтузиазм Н. Я. Марра, пытавшегося объединить языковедов на теме о числительных, которые обнаруживают общность мышления человечества!

¹ См. о нем Б. Владимирцов, *Mongolica I* (Записки Коллегии востоковедов, т. I, стр. 312).